

Агусу подали ужин: снова мясо и вино, но на этот раз всё было иначе. Вместо привычного жареного на огне мяса в чаше дымилось тушеное рагу. Принюхавшись, Чжаочжао с удивлением обнаружил, что тяжелый запах баранины исчез, уступив место тонкому аромату трав. К мясу прилагались лепешки, сыр и необычный густой соус.

— Что это? — Чжаочжао был озадачен. Такая еда совсем не в духе кочевников.

— Агусу сказала, что ты мало ешь. Я подумал, что степная пища тебе не по вкусу, и нашел слугу, который жил в Срединной империи. Он и приготовил это, — Сюйлегеэр наполнил чашу бульоном. — Попробуй.

Чжаочжао отхлебнул:

— Вкусно.

— Теперь он будет отвечать за твою трапезу. — Сюйлегеэр заметно расслабился. Стоило Чжаочжао поесть, как тяжесть у вождя на сердце исчезла.

— Спасибо, — тихо ответил Линь Чжаочжао. Внутри у него всё затрепетало от нежности. Совсем как в прошлой жизни: за суровой внешностью этого человека скрывалась бесконечная забота. Только рядом с ним Чжаочжао чувствовал себя так.

— Почему ты так добр ко мне? — вопрос сорвался с губ прежде, чем он успел подумать.

— Ты — моя жена, — просто ответил Сюйлегеэр.

— И только поэтому?

Вождь замолчал. Не оттого, что не хотел отвечать, а просто не понял скрытого смысла вопроса. Тогда Чжаочжао спросил иначе:

— Скажи, если бы на мне вместо Линь Чучу женился кто-то другой, ты был бы так же заботлив с ней?

— Почему должен был жениться кто-то другой? — Сюйлегеэр искренне не понимал. Тот, кого он хотел видеть рядом, уже сидел перед ним. Зачем гадать о ком-то еще? «Неужели он так не хочет быть со мной?»

— Просто ответь! — Чжаочжао крепче сжал палочки для еды. В его голосе прорезались нотки отчаяния и страха. Он жаждал услышать ответ, который успокоил бы его израненное сердце.

Сюйлегеэр никогда не думал о подобном, но, видя настойчивость супруги, ответил честно:

— Раз уж я взял её в жены, я был бы обязан относиться к ней достойно.

— Значит, будь на моем месте любая другая, ты относился бы к ней так же? — Голос Чжаочжао задрожал.

— К чему обсуждать то, чего нет? — Сюйлеггеэр нахмурился. Сама мысль о другой женщине на месте Чжаочжао была ему неприятна.

— Я просто спросил... — Чжаочжао опустил голову. Пряди волос скрыли его лицо.

— Что с тобой?

Чжаочжао лишь молча покачал головой.

— Я не понимаю, зачем эти вопросы, — Сюйлеггеэр начал терять терпение, но старался сдерживаться. — Я женился на тебе и только на тебе. В Великой Ся только одна Линь Чучу. Зачем мне кто-то другой? Или ты... ты хочешь, чтобы я нашел другую?

В груди у вождя всё кипело. Он не был мастером слова и не понимал своей ярости. Он положил руку на дрожащее плечо Чжаочжао, желая заглянуть ему в глаза, и увидел, что тот беззвучно плачет.

— Ты... — Сюйлеггеэр растерялся.

Линь Чжаочжао отвернулся, пряча лицо в рукаве. Слезы градом падали прямо в чашу с бульоном. Слова Сюйлеггеэра о том, что «в Великой Ся только одна Линь Чучу», ударили его в самое сердце.

Он знал, что для вождя он — Линь Чучу. Но сам-то он понимал: он и есть тот самый «кто-то другой», «посторонний человек». А если бы сестра не сбежала? Если бы она вернулась? Был бы Сюйлеггеэр так же добр к нему? Или всё это тепло досталось бы его сестре?

Эти мысли, точно ядовитые сорняки, заполнили его разум, принося невыносимую боль.

«Как жалко я выгляжу», — ругал себя Чжаочжао. Мужчины не плачут по пустякам, но он ничего не мог с собой поделать.

— Почему ты плачешь? — Мужчина придвинулся ближе, пытаясь коснуться его лица.

— Ничего... просто песок в глаза попал, — выдавил Чжаочжао сквозь рыдания.

— Откуда в шатре песок? — Сюйлегээр бережно вытер его слезы. — Кто-то обидел тебя, пока меня не было? Шалалигэ? Скажи, я за тебя заступлюсь.

Чжаочжао покачал головой. Свою боль он не мог облечь в слова.

— Это я виноват? Был слишком резок и напугал тебя? — в голосе вождя слышалось раскаяние.
— Прости меня, только не плачь.

— Нет, это я... я виноват, — Чжаочжао шмыгнул носом, пытаясь успокоиться. Ему было стыдно перед этим суровым воином, который так униженно его утешал.

Слезы высохли, но покрасневшие глаза и растрепанный вид Чжаочжао вызывали у Сюйлегэера щемящее чувство нежности. Если бы он не боялся напугать его, он бы сжал его в объятиях и зацеловал каждую слезинку.

— Раз ты так плачешь, значит, виноват я, — глухо произнес вождь.

— Не тот прав, кто плачет, — ответил Чжаочжао, и голос его еще дрожал.

— Без причины слезы не льются. Что бы ни заставило тебя плакать — это моя забота. — Сюйлегээр нерешительно погладил его по голове. — Скажи, что не так. Я сделаю всё, чтобы тебе было спокойно.

Это безграничное терпение и любовь тронули Чжаочжао до глубины души. «Чем больше ты любишь, тем больше боишься потерять». Он не смел признаться в обмане, но больше не мог слышать чужое имя.

— Не называй меня... Чучу... Прошу тебя, — прошептал он. — Я не люблю это имя.

— Как же мне называть тебя? — Сюйлегээр был озадачен этой просьбой.

— Лочу... — после недолгой паузы ответил Чжаочжао. — Это моё второе имя [2].

Линь Чжаочжао, прозвание Лочу. У него никогда не было церемонии совершеннолетия, и никто из старших не давал ему имени. В прошлой жизни он сам выбрал его себе, найдя в предсмертном письме матери. Он мечтал о жизни ученого и втайне от всех называл себя так. Сюйлегээр стал первым, кому он открыл эту тайну.

— Я слышал, в Срединной империи только близкие люди называют друг друга по второму имени, — глаза вождя заблестели. — Лочу... Могу я звать тебя так?

Встретившись с его полным надежды взглядом, Чжаочжао смущенно отвернулся:

— Мы уже женаты, к чему спрашивать...

— Лочу, — тихо позвал Сюйлегеэр.

— Да, — отозвался Чжаочжао.

— Лочу.

— Да что такое?! — Чжаочжао вскинулся, пряча смущение за напускной ворчливостью.

— Ничего. Просто так я чувствую себя ближе к тебе. — Сюйлегеэр невольно улыбнулся. — Как пишутся эти знаки?

Чжаочжао окунул палец в чашу с вином и вывел на столе иероглифы «Лочу».

— Знакомы ли они тебе? — спросил он.

— Да, — кивнул Сюйлегеэр. — Я видел их в книгах. Так называлась столица древней династии Цюн.

— Видно, ты немало читал, — заметил Чжаочжао. — Раз знаешь, зачем так смотришь?

— Потому что ты пишешь красиво. Никогда не видел такой изящной кисти. — Вождь не скупился на похвалу. Он и сам умел писать, но его знаки были похожи на корявых червей, тогда как письмо Чжаочжао напоминало парящего дракона.

Чжаочжао довольно хмыкнул. Эта похвала была ему по душе — он потратил годы, оттачивая свое мастерство.

— Ничего особенного, просто привычка.

— Я думал, женщины Ся лишь хрупки и слабы, в отличие от наших дев. Но видя твой ум и таланты, я понимаю, как заблуждался, — вздохнул Сюйлегеэр.

Чжаочжао не был женщиной, но он знал, что в империи Ся немало талантливых дам. Его сестра Линь Чучу была одной из них. Но кое-что его задело.

— «Когда амбары полны, люди знают приличия», — серьезно произнес Линь Чжаочжао. — Дело не в том, что степные женщины хуже, или степняки глупее. Если человек борется за кусок хлеба, у него нет времени слагать стихи.

Сюйлегээр промолчал, и Чжаочжао вдруг испугался, что сказал лишнее. Он забыл о своей роли. Какое право имеет «пленная красавица» рассуждать о таких вещах?

— Прости, я заговорился. Не мне судить о подобном... — он хотел было встать, чтобы поклониться. — Надеюсь, вождь проявит милосердие...

— В чем твоя вина? — Сюйлегээр накрыл его руку своей ладонью. — Ты — госпожа этого народа, и забота о нем — твое право. Ты — моя жена, и указывать мне на ошибки — твой долг. Твои слова мудры. Знаешь, мне было бы интересно послушать и то, что ты рассказывал Шалалигэ.

Линь Чжаочжао замер:

— Ты серьезно?

— Да.

Чжаочжао прикусил губу и, помедлив, произнес:

— У меня есть одна мысль.

— Говори.

— Если ты позволишь... я хотел бы учить детей племени грамоте.

<http://bllate.org/book/13696/1441294>